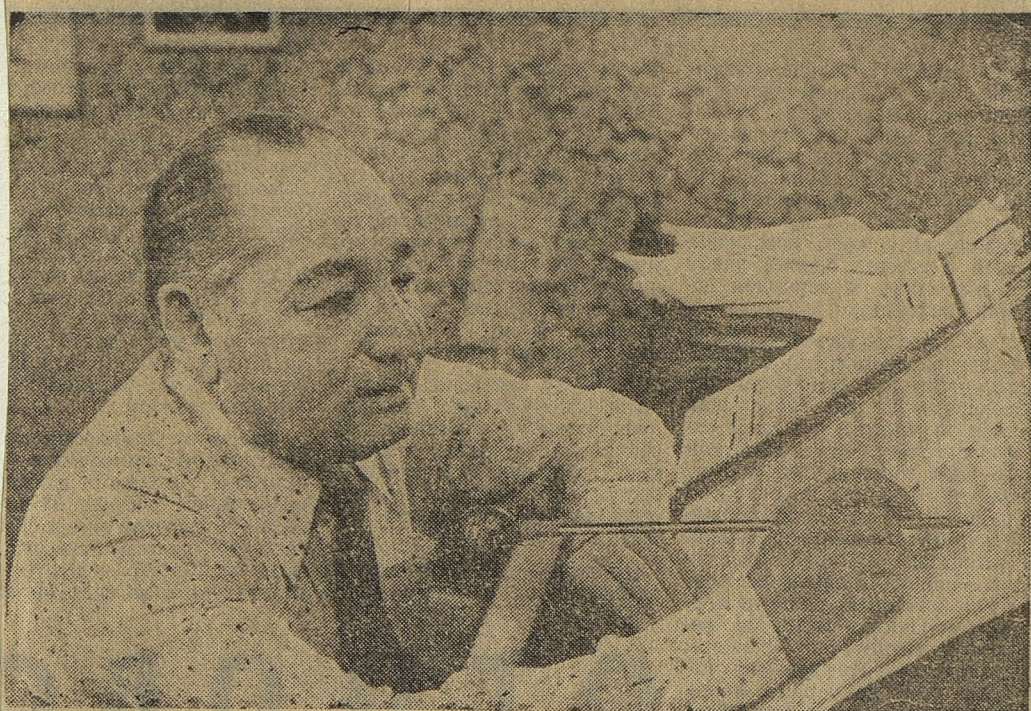

люди искусства

ДОРОГАМИ ПАМЯТИ

Анатолий СОФРОНОВ

«Память стала уносить меня в далекое прошлое. Многие вспоминаются как в легком предутреннем сне, другое видится как будто наяву. Кажется, это происходило только сегодня; некоторые воспоминания подернуты каким-то зыбким туманом, сквозь пелену его смотришь и думаешь: было ли это на самом деле? А может, тебе рассказывали про эти события другие, а тебе показалось, что все это ты видел сам? Но если усесться в глубокой тишине в лесу под деревом или на берегу тихого озера, смотреть на отблески лучей заходящего солнца, то разбуженная память начинает все раскладывать по полочкам, совершенно независимо от тебя: это вот так было, а вот это — так-то». Такими словами начинает Сигизмунд Кац свою книгу «Дорогами памяти», недавно выпущенную издательством «Советский композитор».

В таких произведениях есть своя особая ценность, и заключается она в том, что позволяет проследить, как через многие имена и годы проходят отдельные события жизни и всего нашего общества, в том числе и современной художественной интеллигенции, тесно связанной с Советской властью. Просто для сведения читателей не могу не сообщить о том, что, будучи еще школьником, Кац слушал выступления Сергея Есенина в Твери, где прошло его детство, а семнадцатилетним студентом писал музыку на «Левый марш» Маяковского. Позже он исполнил Маяковскому свое сочинение. Вначале поэт удивился и сказал, что его «Марш» не нуждается в музыке. Но, прослушав музыку «Левого марша», сказал, что «можно и так».

Книга Сигизмунда Каца интересна тем, что в ней прослеживаются связи поколений не только в советской музыке, но и в поэзии, и в музыковедении. Для меня, человека, хорошо знакомого композитора вот уже сорок лет, эта книга тоже открыла многое и в творчестве Сигизмунда Каца, и в широте его взглядов. Будучи человеком общительным и пытливым, Сигизмунд Кац встречался со многими людьми, которые в нынешнее время стали уже легендой.

Много раз Сигизмунд Кац встречался с Николаем Островским.

«Мы у кровати, на которой лежит Николай Алексеевич. Больно видеть молодого человека, лишённого зрения, не имеющего возможности двигаться, пригвожденного в расцвете сил к постели. Он в военной гимнастерке с ромбом в петлицах (ему было недавно присвоено звание бригадного комиссара), в руке небольшая палочка с ленточками, ею он отгонял с лица мух. Рука эта чуть-чуть движется, иногда вдруг неожиданно застывает. Говорим невольно шепотом и стараемся не смотреть друг на друга. Наши молодые, загорелые, обветренные лица явно не вяжутся с обстановкой квартиры, где живет тяжело больной хозяин».

Однако через несколько минут это впечатление полностью рассеялось. Николай Алексеевич бодрым, веселым голосом поздоровался с нами, спросил имя, отчество каждого и, пожимаю руку, подолгу задерживал ее в своей руке. Длительное рукопожатие было своего рода знакомством Островского с собеседниками. Он, ласково поглаживая руку своего нового знакомого, как бы приобщался к ходу его мыслей, и беседа становилась более задушевной и интересной...

Ушли мы поздно вечером очарованные непринужденностью и мягкостью хозяина, окруженного заботами и вниманием большой дружной семьи. Мать, Екатерина и Дмитрий — сестра и брат пи-

сателя — попеременно появлялись у постели во время нашей беседы, то взбивая подушки, то поправляя одеяло, и по всему чувствовалось, что хорошо живется Николаю Алексеевичу в родном доме».

...Весной 1978 года, когда мы подъезжали к Берлину, у меня вдруг мелькнула в памяти строчка одной из наших песен, написанных с Сигизмундом Кацем: «Берлин уже виднеется на дальнем берегу». Тогда, весной 1945 года, сама эта строчка была умозрительной, потому что мы не видели в ту пору Берлина. У нас родилась мысль написать песню о простом солдате, садовнике из Смоленска. Песня так и называлась «Садовник». Там были строчки, где солдат размышлял:

Если нам доверили, то на каком дереве
Мы Гитлера-разбойника повесим на суку?
Жалко иву милую,
березоньку красивую,
Сосну да ель зеленую,
не хочется ломать...
Может, «бразину» мы да
вздернем на осину-мы.
Придется ей за общество
немного пострадать.

Дальше в песне рассказывалось о том, как гвардии полковник, узнав о солдатских суждениях, вызвал бойца к себе и сказал:

Мы для этой гадины
отыщем перекладину,
А живое дерево пуская
себе живет.

Странные особенности у человеческой памяти. Кажется бы, что может соединить этот весенний апрельский полдень 1978 года с той весной, от которой нас отнесло время уже на тридцать три года? Но песня была написана тогда. И накануне великой Победы была исполнена по радио прекрасным певцом Георгием Абрамовым...

Сигизмунд Кац внес свой большой и ценный вклад в песенную сокровищницу Великой Отечественной войны. От сурового и торжественного «Марша победителей» до шутилой «Песни фронтовых сапожников», от лирической военной «Сирень цветет» до лирико-мажорной «Под кленами» — далеко не полный перечень прекрасного музыкального запаса, перлами из которого пользуются и сейчас.

И здесь не скажешь: как мало прожито, как много пережито. И много прожито, и много пережито. Такие советские композиторы, как Соловьев-Седой, Блантер, Новиков, Мурадели, Александров, и другие внесли свою огромную лепту в победу. Такую же лепту внесли и советские поэты-песенники. И это как бы особенно ощущаешь сейчас, когда слушаешь песни тех военных лет и невольно сравниваешь их с некоторыми песенными подделками-безделушками, которыми «развлекают» наших слушателей без смысла и малейшей духовной радости.

Наверное, у каждого из композиторов есть своя любимая песня не только потому, что она просто любима им за мелодию, но и потому, что она осталась в народной памяти и каждая строка ее дышит тем временем и теми грозными событиями, через которые прошло наше поколение.

Сигизмунд Кац написал много замечательных песен с поэтами Сурковым, Фатьяновым, Светловым, Павлом Шубиным, Коваленковым и другими. Меня всегда привлекали в моем друге и товарище острая наблюдательность, разносторонность в творчестве. Как же нам забыть его прекрасную песню к кинофильму «Боксеры» «Сядь со мною рядом». Или его песню, которую мы написали для фильма «Машина 22-12», «Здравствуй, столица, здравствуй, Москва». Или «Здравствуй, Москва». Или «Здравствуй, Москва» на слова Дыховичного. А сколько оперетт, начиная с довоенной

«Взаимной любви»? Или из того же фильма «Машина 22-12», так колоритно исполненную Михаилом Жаровым шоферскую песенку «Еду, еду я по следу». Трудно перечислить все то, что сделано Сигизмундом Кацем, но об одной его песне я хочу рассказать особо.

Перелистывая книгу Сигизмунда Каца, я увидел фотографию скульптурного монумента, поставленного на главной площади города Брянска в честь брянских партизан. А на мраморной плите четыре строчки:

Шумел сурово брянский лес,
Спускались синие туманы.
И сосны слышали окрест,
Как шли с победой партизаны.

А рядом другая фотография, где мы с композитором в лесу среди брянских партизан в тот самый день, когда решили отметить 25-летие создания песни «Шумел сурово брянский лес»...

Это было все не очень просто. Помнится конец лета 1942 года, когда в Москву приехал политрук, работник Политуправления Брянского фронта Серафим Китаев с предложением написать песню для новой программы фронтового ансамбля. Близились 25-я годовщина Октября. Китаев говорил нам:

«Особенно нужна песня для партизанских отрядов. Мы хотим перебросить ее через линию фронта. Брянский фронт вдоволь снабжает партизан боеприпасами и продовольствием. А из леса все время радируют: «Патроны и оружие мы сами отберем у врага, а вот песню как трофей не возьмешь. Пришлите песню, если хорошая, будем петь!».

И мы начали думать, какой же должна быть партизанская песня? Марш? Вряд ли. В лесу не помаршируешь. Вальс? Не годится. И как-то невольно вспомнили песню «Шумел, горел пожар московский» и «Реве та стогне Днипр широкий». Так мы добрались, наконец, до первой строчки: «Шумел сурово брянский лес». Затем родилась вся песня. А через некоторое время по приглашению Политуправления Брянского фронта мы были там, где нас ожидали. Песня понравилась ансамблю Политуправления и руководителям штаба объединенных партизан в Брянщине.

Накануне праздника 25-й годовщины Октября, когда мы собирались его отмечать вместе с ансамблем, нас с Сигизмундом Кацем вдруг вызвали из ДКА и повезли на аэродром. Но на аэродроме сказали, что самолет загружен, партизанам перебрасывают медикаменты, оружие, боеприпасы. Лететь может лишь один. В партизанском тылу нет ни рояля, ни пианино, да и вдобавок в годы войны я был военным корреспондентом «Известий»... Одним словом, провожаемый Сигизмундом Кацем, в самолете оказался я. Вскоре, перелетев линию фронта под разрывом зенитных снарядов, мы опустились на лед, на замерзшее озеро Смелиж в Суземском районе. В тот же вечер в землянке я впервые спел эту песню, а на следующий день в той же землянке оказался слепой гармонист, который с голоса запомнил песню и сыграл. Здесь же я перепечатал на пишущей машинке ее текст. Это было 7 ноября 1942 года. Затем через несколько дней в самолете, заполненном ранеными, я вернулся в Москву.

Так песня «Шумел сурово брянский лес» осталась в брянских лесах. Вскоре она прозвучала по радио в исполнении все того же Георгия Абрамова и хора.

Не так давно радио передавало в честь 70-летия композитора концерт, в котором были собраны все вместе его лучшие песни. Они зазвучали словно бы заново, по-младому и показали большой талант замечательного советского композитора Сигизмунда Каца.

Сейчас Сигизмунд Кац в полной боевой форме. Песни его — и старые, и новые — звучат и в эфире, и со сцены. Что же остается пожелать своему старому доброму другу? Новых песен, новых произведений в доброй, выработанной десятилетиями демократической творческой манере.

Заслуженный деятель
искусств РСФСР С. Кац.
Фото Н. Агеева.